

Надзвычай важнымі для даследчыкаў з’яўляюцца тэматычныя дадаткі, у якіх аўтары-укладальнікі апублікавалі: 1) спісы месцаў прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва на акупаваных тэрыторыях шасці абласцей БССР; 2) спіс месцаў масавага знішчэння і дэпартацыі яўрэяў з акупаваных тэрыторый шасці абласцей; 3) спіс найбольш буйных нямецкіх карных аперацый, праведзеных на тэрыторыях шасці абласцей; 4) спіс сельскіх населеных пунктаў, знішчаных нямецкімі акупантамі поўнасю або часткова, разам з насельніцтвам або без яго. Пры складанні спісаў аўтары-укладальнікі часта сутыкаліся з шэрагам цяжкасцяў пры вызначэнні навуковай класіфікацыі месцаў прымусовага ўтрымання, іх лакалізацыі, часу стварэння і ліквідацыі.

З дакументальных матэрыялаў зборніка вынікае агульная лічба ў колькасці 3541 вёсак, спаленых нямецкімі акупантамі поўнасю або часткова, разам з насельніцтвам або без яго на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Кожная трэцяя знішчаная вёска знаходзілася на Віцебшчыне: 243 вёскі спальваліся двойчы, 83 – тройчы, 22 – чатыры разы і больш, у тым ліку: Канчаны Верхнядзвінскага раёна – 3 разы, Арцейкавічы Полацкага, Рачныя Докшыцкага раёнаў – 4 разы, Рагозіна Ушацкага раёна – 5 разоў, Ладасна Лепельскага раёна – 6 разоў і г.д. З 5295 вёсак 3% вёсак былі знішчаны ў 1941 г., 16% – у 1942 г., 63% – у 1943 г. 18% – у 1944 г. [6, с. 8–9].

Такім чынам, крыніцазнаўчы агляд дакументальнага зборніка па Віцебскай вобласці прыводзіць нас да высновы, што публікацыя архіўных дакументаў бачыцца аўтару гэтых радкоў надзвычай важнай найперш у святле неабходнасці праўдзівага раскрыцця адной з самых трагічных старонак ваеннай гісторыі Беларусі. Публікацыя новых і вядомых на гэты час дакументаў ставіць у парадак дня сучаснай беларускай гістарычнай навукі актуальную задачу па ўсебаковым асэнсаванні, аналізе і правярцы дакументальных фактаў, уведзеных у шырокі навуковы зварот беларускімі архівістамі, і правядзення на новай базе крыніц усебаковага даследавання трагічных наступстваў нацысцкага генацыду ў дачыненні да мірнага насельніцтва аднаго з самых пацярпелых рэгіёнаў Беларускай ССР – Віцебскай вобласці.

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ; М.: Фонд «Историческая память», 2020. – 932 с.
2. Докладная записка Р. Н. Мачульского и представителя БШПД А. Ф. Бардадына первому секретарю ЦК КП(б) П. К. Пономаренко и начальнику БШПД П. З. Калинин «О действиях партизанских бригад Борисовско-Бегомльской партизанской зоны с 20 мая по 27 июня 1944 года» // «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1944 г.: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: Д. Г. Воропаев [и др.]. – Минск : НАРБ, 2020. – С. 435–453.
3. «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1944 г.: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: Д. Г. Воропаев [и др.]. – Минск : НАРБ, 2020. – 712 с.
4. Проект «Без срока давности. Беларусь» – это весомый вклад белорусских архивистов в реализацию государственной исторической политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/december/72475/>. – Дата доступа: 19.02.2023.
5. Сводная таблица командующего вермахтом в Белоруссии об итогах операции «Корморан» за период с 25 мая по 17 июня 1944 г. // «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1944 г.: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: Д. Г. Воропаев [и др.]. – Минск : НАРБ, 2020. – С. 318–319.
6. Сожженные деревни Белоруссии, 1941–1944: документы и материалы / сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев [и др.]. – М.: Фонд «Историческая память», 2017. – 512 с.
7. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg : Hamburger Edition, 2000. – 1232 s.

Маджаров А.С.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД О. ШПЕНГЛЕРА (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Актуальность, цель исследования. Относительная достоверность высказанных Освальдом Шпенглером (1880–1936) прогнозов развития Запада предопределила актуальность его сочинений. В наши дни творчество ученого привлекало вниманием исследователей К.А. Свасьяна, И.И. Маханькова, Л.Г. Зимовец, Т.Г. Румянцевой и др. [1; 2; 3; 5]. По словам Т.Г. Румянцевой, идеи немецкого философа «оказались... созвучными» событиям минувшего столетия и наших дней [5, с. 814]. Действительно, цивилизационный подход к всемирной истории, который О. Шпенглер развивал наряду с Н.Я. Данилевским (1822–1885), А.Дж. Тойнби (1889–1975) и другими мыслителями, позволил ему прикоснуться к основам исторического процесса, динамике будущего.

В книге «Закат Западного мира» он раскрыл палитру фаустовской души, накал и константное направление ее дерзаний. Касаясь, в частности, внешнеполитических амбиций порожденного «родным ландшафтом» истеблишмента, Шпенглер утверждал: «фаустовская культура всегда была направлена на распространение <...> политического, экономического или духовного характера». Все мыслители и вожди от Экхарта до Канта и от Оттона Великого до Наполеона желали «покорить мир», увеличить «собственную жизненную единицу <...> за счет других» [6, с. 366, 903]. А подводя в

книге итоги «спектакля высшей культуры», заключал: «нестерпимое напряжение» толкает Европу на подлинный фаустовский путь «первополитики всего живого» – войны [6, с. 894, 903, 972].

Морфологические построения Шпенглера определяла специфика его метода. Поскольку исследователи творчества философа не касались источниковедческой стороны исторического инструментария ученого, рассмотрим этот аспект его прикладной методологии [4].

Теоретико-методологические основы концепций О. Шпенглера. Отношение Шпенглера к историческим памятникам предопределялось теоретическими представлениями об историческом процессе и задачах его изучения.

Философ исследовал «организмы большого стиля» [6, с. 130]. Он, вслед за Н.Я. Данилевским, отказался от «линейнообразной всемирной истории», выделял в социуме античную, западную, индийскую, вавилонскую, китайскую, египетскую, арабскую, мексиканскую культуры [6, с. 30, 132, 133, 136, 501]. Русскую цивилизацию О. Шпенглер считал не вполне оформившейся, но внимательно изучал ее особенности.

Многоцветие конкретной культуры философ выводил из пра-символа. Этим формообразующим стержнем, кодом фаустовской души, он считал «безграничное пространство», а русской – «бесконечную равнину» [6, с. 207, 208, 337].

Морфологические представления Шпенглер облакал в символическую форму. «Олицетворявшая» душу культура как «передний план» истории представляла «в форме народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук», несла «великие символы жизни», «чувства» [6, с. 135, 207]. Согласно видению ученого, она появлялась на свет на почве «определенного ландшафта», как организм проходила все ступени жизни – «детство и юность, ...зрелось и старость» и возвращалась «в прадушевное состояние» [6, с. 133, 135, 136].

История как биография и ее источниковая основа. Задачу своего труда философ видел в том, чтобы открыть «независимую» от «единичных событий» «метафизическую структуру» истории [6, с. 13].

Он писал о существовании двух методологических подходов в историческом исследовании, реализующихся в изучении «закона» и «образа». «Историю» ученый считал образным познанием, способным раскрыть «трагическую структуру» бытия, а законосообразную «природу» – познанием «состояний механического типа» [6, с. 127, 155, 185]. В исследовательской практике, по утверждению Шпенглера, применялись оба метода, но предпочтение он отдавал первому из них [6, с. 134].

История социума представлялась философу «жизнеописанием», в основе которого лежали биографические пра-формы [6, с. 13]. Такое видение объекта исследования предполагало использование в историческом познании соответствующего реестра памятников. В широком смысле к «формам зримой истории» (источникам) он относил обширный спектр явлений, не укладывающихся в привычную источниковедческую типологию. Среди феноменов философ выделял идеальные и материальные, зримые и недоступные непосредственному изучению, эмпирические вещи и теоретические конструкции, народы, языки, битвы, идеи, государства, искусства, науки, экономические формы и мировоззрение, великих людей и события [6, с. 14]. Касаясь вопроса о достаточном для исследования объеме исторических источников, он писал о том, что анализ «языка форм человеческой истории» требует привлечения «всех доступных наблюдению частных» [6, с. 38].

Особую роль в морфологическом следовании, по мнению Шпенглера, играли источники личного происхождения. В формирование источниковой базы «культуры» философ исходил из ее сравнения с жизнью человека. Основным источником по истории этой масштабной морфологической единицы он считал «исторические исследования», включающие «все разновидности сравнительного психологического анализа чуждых народов, эпох, обычаев и нравов». Значение этого вида исторических источников он приравнивал к роли «дневников и автобиографии» в познании прошлого конкретного индивидуума [6, с. 19].

Автор источника (исследования): специфика «отражения» истории. Проблему авторства Шпенглер освещал в контексте истории как органического процесса, культуры как «биографии». Характер памятника, по словам философа, определялся духом времени, положением, занимаемым автором в обществе, принадлежностью к определенной культуре. В широком смысле, он обуславливался историзмом творца, ощущением жизни как «составной части большей биографии, простирающейся на столетия или тысячелетия», или же как факта «в самом себе», для которого «не существовало всемирной истории» [6, с. 19].

Шпенглер свидетельствовал, что ценитель морфологии истории способен путем «наблюдения и понимания» «символически изобразить свою эпоху», а исследователь – раскрыть значение этой символики [6, с. 7]. Но, обращаясь к сторонникам «линейнообразной» методологии истории, подчеркивал, что историк не должен использовать в познании личные убеждения, применять веру в «гуманизм, счастье большинства, просвещение, свободу, мир во всем мире» и в прочее в качестве инструмента анализа тех цивилизаций, которые «желали чего-то иного, нежели мы» [6, с. 32].

Заключение философа распространялось и на источниковедческий этап познания. Проблема авторства решалась исследователем в свете особенностей конкретной цивилизации, в диалоге

тождества и различия субъекта и объекта. При этом «источниковед», не замечавший морфологического своеобразия истории, согласно выводам Шпенглера, был не способен адекватно интерпретировать источник, раскрыть его смысл как фрагмента определенной культуры [6, с. 493].

Темпоральная и пространственная логика памятника. Методология морфологического освоения материала Шпенглера ориентировала на проведение соответствующих источниковедческих процедур – выявление и фиксацию пространственно-временных координат артефакта. Согласно доктрине философа, памятники прошлого следовало рассматривать в контексте «логики времени» – «хронологии и идеи судьбы», определяющих «историческое упорядочение явлений» [6, с. 18]. Темпоральная характеристика памятника являлась для автора «фактом глубочайшей внутренней достоверности» [6, с. 18]. Она наполняла «собой <...> мифологическое, религиозное и художественное мышление» и составляла «суть и ядро всякой истории» [6, с. 18]. Значение этого параметра происхождения объекта в создании «исторического образа» подчеркивало высокий статус традиционной источниковедческой процедуры – установления времени его возникновения, но не только. Источники в широком смысле – живопись, музыку, общественное устройство и другие факты истории и культуры, олицетворявшие бытие в хронологическом спектре «от обитателей свайных построек до социализма», – Шпенглер считал привязанными к определенному времени и «к одному ландшафту».

Однако важно подчеркнуть, что он рассматривал их и как носителей конкретного возраста явления, и «культуры» в целом. Философ констатировал, что не существует живописи, музыки, общества «вообще», эти явления – носители специфики своего «времени» и «пространства» [6, с. 32]. Источниковедческий аспект данного методологического указания заключался в том, что расшифровка источника была невозможна не только без временной, но и без «территориальной» привязки.

Следуя логике органического развития, он сравнивал «молодые и старые дубы и цветы» и «расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, ландшафты» [6, с. 33]. А в таких масштабных биографиях как «античность», «китайская культура» или «современная цивилизация» предлагал выявлять основополагающие для всего органического рубежи – «рождение, юность, старость, смерть» [6, с. 13].

«Источничество» «тайнства подвижного явления». Специфика взгляда на «мир как историю», в отличие от прочтения «мира как природы», внимание к хронологии, образу, а не к «разлагающему», «понятийному членению» ориентировали Шпенглера на адекватное этому мировосприятию прочтение источника [6, с. 8, 16]. Автор критиковал методологию «линейного развития», построенную на вере в бесконечное поступательное движение феноменов, не допускающей их «естественного конца» [6, с. 33]. История явления, «жизнь» памятника, в том числе цивилизации, виделись ему в образовании и преобразовании, становлении и гибели, а в самом общем виде – в «драме могучих культур», «расцветающих на лоне материнского ландшафта», обладающих формой, жизнью и смертью [6, с. 33, 34].

Органическую модель мира Шпенглер рекомендовал актуализировать, раскрывая развитие форм, становление феноменов. Образцом такого анализа он считал метод Гёте. Немецкий философ и естествоиспытатель понимал под историей совершенствование как возрастающее содержание формы [6, с. 495]. Он, по словам Шпенглера, проследил развитие «листа, возникновение позвоночного животного, складывание геологических слоев» – как «образ становящегося», «судьбу природы» [6, с. 38]. «Философия истории» Гёте предлагала вектор изучения «тайнства подвижного явления». Шпенглер, опираясь на идеи своего учителя, подчеркивал: нужно дать «высказаться самим вещам», ощутить «в них верховенство судьбы и ее очертаний» и действовать, опираясь на соответствующий инструментарий: «сочувствие, созерцание, сравнение, непосредственную внутреннюю уверенность, точную чувственную фантазию» [6, с. 38, 495]. Предел познания, до которого, согласно выводам ученого, можно пойти на этом пути, – «лишенные причин и целей формы» [6, с. 495].

Морфологическое изучение языка исторических явлений философ связывал с точной фиксацией их возраста. В результате такого исследования, по его мнению, интерпретация содержания памятника в терминах «юность», «подъем», «расцвет», «упадок» из разряда субъективной оценки, переходила в разряд «объективного обозначения органических состояний» [6, с. 38, 39].

Морфология как цель источниковедческого исследования. Шпенглер различал источниковедческие процедуры «собрание, упорядочение и истолкование материала» [6, с. 19].

Качество «истолкования» содержания памятника в современной ему историографии автора не устраивало. Он выступал против «естественнонаучной» интерпретации вопроса, не считал задачей анализа документа выявление того, «чем являются <...> факты сами по себе». Автор критиковал группировку «лежащих на поверхности» событий «по «причинам» и «следствиям», а также выявление на их основе «тенденций» [6, с. 17]. Напрасными он считал и попытки спасти анализ «политического содержания эпохи», иллюстрируя его «религиозными, социальными подробностями», мелочами «из истории искусств» [6, с. 17]. По мнению философа, сторонники анализа «причин и следствий» игнорировали «главный» факт, – восприятие «зримой истории» как «оформившейся

душевности», не видели морфологической сути феноменов, которая предполагала изучение «родства <...> связывающего язык форм всех культурных областей» [6, с. 17].

Магистральным направлением исторического исследования, включая его источниковедческий аспект, согласно теоретико-методологическим представлениям ученого, и должно было стать исследование исторической морфологии – изучение краеугольных формообразующих «математических идей эллинов, арабов, западноевропейцев», смысла «их ранней орнаментики, их архитектурных, метафизических драматических базовых форм», глубинной «формальной связи» между «античной государственной формой полиса и евклидовой геометрией, пространственной перспективой западноевропейской живописи и преодолением пространства посредством дорог, телефонов и огнестрельного оружия, инструментальной музыкой и кредитной системой в экономике» [6, с. 17]. Такое морфологическое исследование, подчеркивал философ, позволило бы «впервые в истории» все указанные предметы понять и истолковать как символы и раскрыть их метафизическую суть [6, с. 17].

Заключение. Взгляды Шпенглера на проблемы источниковедения развивались в русле его теоретико-методологических представлений об историческом процессе. Источниковедческие процедуры: анализ происхождения и содержания источника, проблема его достоверности, репрезентативности источниковой базы были вписаны философом истории в теоретико-методологический контекст доктрины. В источниковедческом аспекте методологии Шпенглера важную роль играла проблема исторической морфологии как жизненного, а в познании – историографического явления. Темпоральная характеристика памятника была ключевой в конкретизации «родного ландшафта», авторства, а также в интерпретации и установлении степени его достоверности. Философ обратил внимание на объективную связь формы исторического явления с моментом его продвижения как «организма» от «рождения» до «смерти». Он исходил из убеждения, что установление времени возникновения памятника, и времени как свидетельства его возраста раскрывало объективную динамику исторического процесса.

1. Зимовец, Л. Г. О. Шпенглер о смысле истории / Л. Г. Зимовец // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 6. – С. 123–130.
2. Маджаров, А. С. История России в теории цивилизаций : монография / А. С. Маджаров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 211 с.
3. Маджаров, А. С. Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер о «славянском» и «романо-германском» культурно-исторических типах и перспективах их взаимодействия (сравнение концепции и метода) / А. С. Маджаров // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 59–68.
4. Маджаров, А. С. Прикладная методология как проблема отечественной историографии XVIII–XIX века (постановка проблемы) / А. С. Маджаров // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 6. – С. 57–64.
5. Румянцев, Т. Г. Методология гуманитарного познания Освальда Шпенглера (опыт современного прочтения) / Т. Г. Румянцева // Роль женщины в развитии современной науки и образования: материалы междунар. на-уч.-практ. конф. (г. Минск 17-18 мая 2016 г.) / ред. И. В. Казакова, А. В. Бутина, И. В. Олюнина. – Минск : БГУ, 2016. – С. 814–819.
6. Шпенглер, О. Закат Западного мира / О. Шпенглер. – М. : Альфа-книга, 2010. – 1085 с.

Дулаў А.М.

ВОБРАЗ СЯРЭДНЯВЕЧЧА Ў ГІСТАРЫЧНЫМ НАРЫСЕ “ВІЦЕБСК” МІКАЛАЯ УЛАДЗІМІРАВІЧА І НІНЫ ІВАНАЎНЫ ДАРАФЕЕНКА¹

Паняцце “медыявалізм” уключае ў сябе як уяўленні пра Сярэднявечча ў культуры наступных эпох, так і папулярны сэнс у гуманітарыстыцы даследчыцкі кірунак, што вывучае гэтыя ўяўленні. У дадзеным кантэксце падаецца перспектыўнай рэканструкцыя вобразаў сярэдневяковай эпохі, прэзентаваных у лакальных гістарычных наратывах XIX – пачатку XXI ст., якія ўплывалі/уплываюць на фарміраванне ў чытачоў уяўленняў як аб мінулым малой радзімы, гэтак і аб Сярэднявеччы як гістарычнай эпосе.

Відавочна, першым грунтоўным аглядам мінуўшчыны горада, у якім б надавалася больш-менш значная ўвага дарэвалюцыйнаму перыяду, пасля прац буйнейшага краязнаўцы Віцебшчыны А.П. Сапунова (1851–1924 гг.) стаў кароткі гістарычны нарыс “Віцебск” Мікалая Уладзіміравіча і Ніны Іванаўны Дарафееўна [4]. Нарыс быў надрукаваны ў 1958 г. у першым нумары літаратурна-мастацкага альманаха “Дзвіна” – выданні літаратурнага аб’яднання пры рэдакцыі газеты “Віцебскі рабочы”. Развіццё горада было прасочана ад яго вытокаў да канца 1930-х гг. Аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны, пасляваенным аднаўленні і перспектывах развіцця горада аўтары абяцалі расказаць у наступных нарысах [4, с. 152]. Мэта нашай працы – вызначыць, якім паўстае вобраз сярэднявечнага Віцебска на старонках гістарычнага нарыса М.У. і Н.І. Дарафееўна.

¹ Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы БРФФД ў рамках НДР “Князь Альгерд і амір Цімур: актуалізацыя Сярэднявечча ў гістарычнай памяці Рэспублікі Беларусь і Рэспублікі Узбекістан на нацыянальна-дзяржаўным і рэгіянальным узроўнях” (Дамова № Г22УЗБ-065 ад 04 мая 2022 г.).